

Борис Сичкин

Я – БУБА КАСТОРСКИЙ!

РУССКИЕ ШАНСОНЬЕ

ДЕКОМ

Максим Кравчинский
Александра Григорьевич Сингал
Борис Сичкин: Я
– Буба Касторский
Серия «Русские шансонье»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34340552

Борис Сичкин: Я – Буба Касторский!: Деком; Нижний Новгород; 2010

ISBN 978-5-89533-219-1

Аннотация

Новая книга серии «Русские шансонье» рассказывает об актере и куплетисте Борисе Сичкине (1922–2002).

Всесоюзную славу и признание ему принесла роль Бубы Касторского в фильме «Неуловимые мстители». Борис Михайлович Сичкин прожил интересную, полную драматизма жизнь. Но маэстро успевал всё: работать в кино, писать книги, записывать пластинки, играть в театре... Его девизом была строчка из куплетов Бубы Касторского: «Я никогда не плачу!»

В книгу вошли рассказы Бориса Сичкина «от первого лица», а также воспоминания близких, коллег и друзей: сына Емельяна, композитора Александра Журбина, актера Виктора Косых, шансонье Вилли Токарева и Михаила Шуфутинского,

поэтессы Татьяны Лебединской, писателей Сергея Довлатова и Александра Половца, фотографа Леонида Бабушкина и др.

Иллюстрируют издание более ста ранее не публиковавшихся фотографий.

Содержание

Хроника жизни и творчества Бориса Михайловича Сичкина	7
Предисловие	11
Глава I	16
Евбаз	16
Куплеты для воров	22
Танцы!	26
Глава II	31
«Родине, Сичкин, нужны солдаты, а не танцоры»	31
«Дезертир»	36
Медаль	38
Директор бардака	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**Борис Сичкин: Я –
Буба Касторский!
Автор-составитель
Максим Кравчинский**

Серия «Русские шансонье».

Основана в 2009 году

Автор проекта и составитель серии М. Э. Кравчинский

Хроника жизни и творчества Бориса Михайловича Сичкина

1922, 15 августа – в Киеве в семье сапожника родился Борис Сичкин, седьмой, самый младший ребенок.

1937–1941 – учеба в Киевском хореографическом училище, одновременно работа в Ансамбле народного танца УССР.

1941, 15 июня – Сичкин перешел в Ансамбль песни и пляски Киевского военного округа, в котором проработал до 1946 года. Вместе с фронтовым ансамблем Борис Михайлович прошел всю войну и дошел до Германии.

1946–1947 – продолжил работу в Ансамбле народного танца УССР.

1947 – состоялась свадьба Бориса Сичкина и Галины Рыбак, танцовщицы, с которой артист познакомился во время работы в ансамбле. – становится солистом Ансамбля песни и пляски Советской армии им. А. В. Александрова. Чета Сичкиных переезжает в Москву.

1948 – переходит на работу в Москонцерт.

1954 – состоялся кинодебют актера в фильме «Анна на шее».

1954, 4 августа – в семье Сичкиных родился сын Емельян.

1955 – вместе с супругой артист приходит в ансамбль литературной и театральной пародии «Синяя птичка» под руководством В. Драгунского, где исполняет интермедии, пишет тексты, работает балетмейстером.

1959 – приглашен в труппу Театра киноактера. В качестве балетмейстера работает над спектаклями для Театра сатиры и Театра им. Н. В. Гоголя. Принимает участие в выступлениях «закулисного» театра «Крошка» и джаз-оркестра Эдди Рознера.

1962–1966 – параллельно с работой в Москонцерте играет эпизодические роли в фильмах «Капитаны Голубой лагуны», «Секретарь обкома», «До свидания, мальчики!», «Последний жулик».

1966 – съемки в картине Э. Кеосаяна «Неуловимые мстители» в роли куплетиста Бубы Касторского.

1968 – работа в картине «Новые приключения неуловимых». Первый фильм киноэпопеи получает премию Ленинского комсомола.

1973, 12 декабря – Борису Сичкину предъявляют обвинение в хищении социалистической собственности и заключают его под стражу. Заключение артиста продлилось год и две недели.

1974–1978 – после тюрьмы Сичкина практически перестают снимать, сына отчисляют из консерватории. Актера преследуют финансовые проблемы.

1979 – Сичкин с семьей эмигрирует в США. Дает концер-

ты для русскоязычной публики.

1984 – совместно с исполнителем Николаем Мирвисом записывает свою первую виниловую пластинку «Новые одесские интеллигентные песни».

1985 – выходит запись выступления Бориса Сичкина «Концерт в Нью-Йорке».

1987–1989 – снимается в эпизодических ролях в голливудских картинах «Свит Лорейн» (повар), «Суперинтендант» (слесарь).

1992 – композитор А. Журбин приглашает Сичкина в свой русско-американский театр «Блуждающие звезды».

1994 – первое после отъезда в Штаты посещение России для съемок в фильме Тиграна Кеосаяна «Бедная Саша».

1995 – приглашен в фильм знаменитого голливудского режиссера Оливера Стоуна на роль Брежнева.

1996 – вышла в свет первая автобиографическая книга артиста «Я из Одессы! Здравсьте!»

2000 – съемки в фильме режиссера Г. Гаврилова «ПМЖ» о жизни русских эмигрантов в Америке.

2000, декабрь – по приглашению радио «Шансон» Борис Михайлович принял участие в концерте «Звездная пурга», в котором исполнил куплеты Бубы Касторского и несколько песен дуэтом со своим другом Вилли Токаревым.

2001 – выпустил свою вторую книгу «Мы смеемся, чтобы не сойти с ума».

2002, 21 марта – скончался от инфаркта в своей квартире

в Нью-Йорке.

2003 – Галина Рыбак приняла решение об эксгумации и кремации останков мужа и переправила урну с прахом Бориса Сичкина в Москву для захоронения на родине. В течение пяти лет урна хранилась у российских друзей семейства Сичкиных.

2008, 18 апреля – просле торжественного прощания в Доме кино урна с прахом Бориса Сичкина была захоронена на Ваганьковском кладбище.

Предисловие

Эта книга не о военачальнике, не о космонавте, не о великом певце или спортсмене. Наш рассказ посвящен обычному актеру, не отмеченному никакими званиями или наградами, кроме самой значимой – народной любви. Его имя – Борис Михайлович Сичкин.

Удивительное дело: в кино он снимался, как правило, в ролях второго плана, а зрителям запомнился куда лучше многих главных героев! Он сыграл более чем в тридцати картинах в Советском Союзе, успел поработать в Голливуде и в новой России, но его главной, звездной ролью стал, конечно, Буба Касторский из «Неуловимых мстителей».

Во время работы над книгой мы с ужасом обнаружили, что люди в 90 процентах случаев никак не реагировали на имя Бориса Сичкина. Зато стоило уточнить: «Который Бубу Касторского сыграл», – и губы визави сами собой растягивались в широкой улыбке: «Так бы сразу и сказали, кто же Бубу не знает?!»

В силу возраста мы, авторы этой книги, не смогли стать свидетелями триумфа «Неуловимых мстителей». Когда фильм вышел на экраны, нас еще не было на свете, а когда мы уже были в состоянии оценивать игру актеров и внимательно следить за сюжетом, Борис Сичкин покинул СССР и фильмы с его участием тихо-тихо исчезли с экранов.

Собственно, эмиграция и позволила нам узнать его творчество по-настоящему, только сперва не как актера, а как блестящего шансонье, куплетиста. «Виновником» тогда еще заочного знакомства стал известный советский журналист Генрих Боровик. В 1984 году по советскому телевидению демонстрировался его документальный фильм под названием «Бывшие». Картина рассказывала, а вернее осуждала, наших (в прошлом) соотечественников, а ныне «отщепенцев и предателей, променявших социалистическую Родину на сомнительные блага капиталистического рая». Среди прочих показали тогда и Бориса Сичкина. Съёмки шли в каком-то большом концертном зале: публика занимает места, видно, что ожидается аншлаг. Пауза. Камера выхватывает сцену, на которой пританцовывает и поет «одесские» песенки элегантный мужчина в соломенном канотье. Запомнилось удивление тому факту, что создатели фильма выбрали для антипропаганды не гремевшего в ту пору из каждого «утюга» Вилли Токарева, а «никому не известного» Сичкина. Но уж Боровик-то знал, кого показывать нашим людям! Это нам по малолетству артист не был известен – большинство же Бориса Сичкина, лихо распевającego куплеты Бубы Касторского, моментально узнавали.

Максим!
Милое счастье!
Борис
Сичкин
23 июня
2005

Автограф Бориса Сичкина одному из авторов книги

Как маститый журналист сумел тогда разъяснить советским людям, в чем вина Сичкина перед Родиной и почему его выступление перед брайтонской публикой – преступление? Уже и не вспомнить. Но интерес к этой фигуре остался у нас надолго. А пару лет спустя, году в 1986-м, на принесенной приятелем кассете с очередными «эмигрантами» впервые довелось услышать песни, куплеты и миниатюры в исполнении Бориса Сичкина. На пленке звучали смешные зарисовки из жизни Брайтон-Бич, анекдоты, уморительные пародии. Так волею случая и обстоятельств мы сначала по-

знакомились лишь с одной из граней таланта этого большого художника. Именно поэтому авторы сочли уместным, чтобы книга о гениальном актере вышла в серии «Русские шансонье» – ведь и большинство киногероев Сичкина пели. Вспомните фильмы «Неисправимый лгун», «Интервенция» и, конечно, «оригинального куплетиста Касторского» из «Неуловимых мстителей».

Авторам этих строк не довелось быть близко знакомыми с Борисом Сичкиным. Встречались мы лишь однажды, на фестивале «Звездная пурга» в Москве в 2000 году. Но то, что от Бориса Михайловича исходили почти физически ощущаемые волны тепла, доброты, юмора – подтверждаем.

На память о встрече осталась его книжка с автографом и несколько снимков. Кстати о книгах. Искушенный читатель может спросить, зачем, мол, нужна ваша книга о Сичкине, если он сам о себе написал два прекрасных, полных оптимизма и смеха произведения! Всё так, но, во-первых, в России выходило лишь одно из них – «Я из Одессы! Здравсьте!» Да и то почти пятнадцать лет назад. Сегодня эта книга настоящая редкость. Вторая, «Мы смеемся, чтобы не сойти с ума», издавалась крошечным тиражом в Америке и до нашего читателя вообще не добралась.

В нашу книгу вошли рассказы самого Бориса Сичкина, интервью с его сыном Емельяном и воспоминания людей, близко знавших мастера: композитора Александра Журбина, поэта Татьяны Лебединской, актера Виктора Косых, шан-

сонье Вилли Токарева, Михаила Шуфутинского и Анатолия Могилевского, писателя Сергея Довлатова и других.

В издании собрано большое количество ранее не публиковавшихся фото как из архива семьи Сичкиных, так и из личных коллекций его знакомых и поклонников. А самое главное – впервые в России на подарочном DVD собраны многие записанные Борисом Михайловичем в эмиграции песни, анекдоты, пародии и миниатюры разговорного жанра. С момента их записи прошло без малого три десятка лет, и ряд затрагиваемых тем потерял свою актуальность, но мы всё же сознательно решили сохранить этот материал для воссоздания духа эпохи и атмосферы Брайтона.

Свои отзывы о данной книге, а также вопросы, предложения и пожелания по серии «Русские шансонье» присылайте по электронным адресам: izdat@dekom.nnov.ru или kniga-rpi@mail.ru.

Максим Кравчинский,

Алекс Сингал

Москва – Нью-Йорк, 2008–2009

Глава I

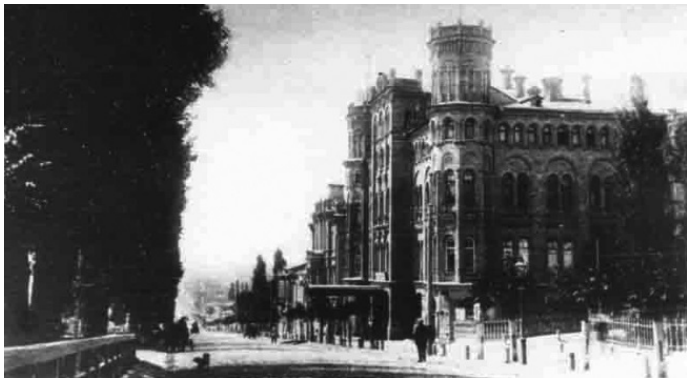
С базара на сцену

*Эх, жемчужина – Киев!
Беспокойное ты место!..*

М. А. Булгаков

Евбаз

После выхода в прокат «Неуловимых мстителей» львиная доля зрителей была уверена, что так сыграть Бубу Касторского мог лишь настоящий уроженец «города у Черного моря». На самом деле Борис Сичкин не был одесситом. Он родился в 1922 году в Киеве в семье сапожника и был седьмым, самым младшим ребенком. Когда ему исполнилось четыре года, отец умер, и воспитанием мальчика занялся старший брат, научивший его танцевать. Время было голодное, и бойкий карапуз каждый день бегал на базар, где плясал «барыни» и «цыганочки» для торговцев, воров и спекулянтов, получая первые трудовые гонорары продуктами.

Бибиковский бульвар. Киев. Дореволюционная открытка

Позже, уже в эмиграции, артист вспоминал: *«От чего ушел, к тому и пришел: первыми моими зрителями в эмиграции стали воры и бандиты, только в Нью-Йорке они называли себя русской мафией. Я выходил на сцену и говорил: “Здрасьте, отщепенцы и предатели Родины!” Все заходились смехом»*¹.

В своей книге² Сичкин пишет: *«Я по происхождению дворянин, так как родился во дворе. Справа от нашего двора был Евбаз, еврейский базар – культурный центр города, напротив – колония малолетних преступников – высшее учебное заведение закрытого типа. Неплохое окружение выбра-*

---

¹ Здесь и далее курсивом выделены цитаты Бориса Сичкина из радиоэфиров, печатных интервью разных лет, а также из книги «Я из Одессы! Здрасьте!»

² «Я из Одессы! Здрасьте!» (см. библиографию).

ли родители для моего воспитания».

Каким же запомнился современникам Киев 20-30-х годов прошлого века, на которые пришлось детство Бори, и что за зверь такой Евбаз?

Призовем на помощь старожилов³.

Евбаз. Начало 1920-х

«Что означает слово Евбаз для нынешнего поколения киевлян?»

Думаю, что многие и не слышали о таком. А ведь пожилые киевляне даже после закрытия этого огромного толку-

---

³ По материалам книги Д. В. Маклакова «Тут был Евбаз», статей В. Баканова и М. Френкеля.

чего рынка и устройства на его месте площади Победы, направляясь в местный универмаг, упорно твердили своим родным: “Я пошел на Евбаз!”

В этой местности еще в 1860 году стихийно возник рынок носильных вещей. Из-за существования в то далекое время черты оседлости евреям Киева разрешили здесь, в одном из мест их компактного проживания, оборудовать специальное место для торговли.

Этот рынок, прозванный в народе Еврейским базаром, сразу стал популярным у киевлян. При дороговизне товаров в центральной части города цены там были более доступными.

Рынок находился на пересечении важных городских артерий, от Крещатика и Бессарабки пролегла Бульварная улица, которую в 1869 году переименовали в Бибиковский бульвар, а в 1919-м – в бульвар Тараса Шевченко...

Проходим неспешным шагом пять минут и сразу же окунаемся в шумное, пестрое море толкучки. Преграждая нам путь, продавцы предлагают свой товар, на все лады расхваливая его и выкрикивая цены. В Киеве времен нэпа всего было вдоволь. С появлением червонцев – больших десятирублевых банкнот с изображением пахаря и молотобойца – рубль стал весомым и конвертируемым. Червонцы повсюду охотно принимали, даже предпочитали доллару. Люди распевали частушку:

*Червонцы мои червоноченные,
Любит вас простой народ и уполномоченные...*

...На Евбазе привораживала красочная картина невероятного изобилия, обволакивали ароматы овощей и фруктов. На два рубля доверху наполнялись две большие корзины, которые с трудом волоклись домой. Евбаз ничуть не уступал до революции Подолу ни по количеству евреев, ни по плотности проживания на одном квадратном метре, ни по колоритности иных фигур. Есть в романе Николая Островского “Как закалялась сталь” эпизод, когда главный герой, защищая девушку от напавших на нее бандитов, убивает одного из них, некоего Миньку Черепа, из нагана. Так вот, человек с таким прозвищем действительно жил на Евбазе. Бандита так звали за странную, уродливую форму головы. Впоследствии он стал знаменитым налетчиком, которого на самом деле застрелил сам Островский.

Был на Евбазе некий слепой, зимой и летом ходивший босиком и питавшийся тем, что подадут. А когда умер, в его ветхом матрасе обнаружили какие-то невероятные суммы дензнаков – точь-в-точь как в классическом рассказе.

Вообще же район рынка был уникален превде всего невероятной мешаниной национальностей, языков, традиций... В разгар нэпа в Киеве, как и повсюду, появились национальные криминальные группировки, состоявшие из сотен и даже тысяч земляков: китайская мафия среди прочего контро-

лировала разлив и продажу контрабандной водки, в том числе на Евбазе... Припоминается сплошное болото или пыль под ногами – в зависимости от состояния погоды, – беспрестанная людская толкучка и шум, выкрики из толпы: “Марь-Ванна, наливай!” – разносчика питьевой воды с сулеей⁴ на плече и со стаканом в руке. Китайцы (из тех, кто завербовался на заработки в Россию еще во время Первой мировой войны) – продавцы разноцветных фонариков из гофрированной бумаги, легких серебристых шариков на ниточке-резинке, черных бегающих мышей. Гадалки на картах непременно пророчили если не “дальнюю дорогу”, то “казенный дом” или пикового короля. Ученая морская свинка вытягивала бумажку-пророчество “с судьбой”... А в 1932–1933 годы Евбаз был одним из тех мест, где массово гибли люди, ища и не находя спасения от голодной смерти⁵. С переводом в 1934 году столицы УССР из Харькова в Киев власть пыталась упорядочить Евбаз по-своему. Начали с уничтожения церкви “в связи с реконструкцией площади и удобного устройства на ней трамвайных путей”. Потом соорудили помпезные деревянные пилоны главного входа на колхозный рынок. Но это был лишь внешний лоск. Официально беспризорников при «Советах» не существовало. Но фотографии Галицкой площади, датированные 1935 годом, навеки запечатлели ободранных босоногих пацанят».

---

⁴ Бутылка, полуштоф.

⁵ Старший брат Б. М. Сичкина погиб от голода на Украине в 1933 году.

Куплеты для воров

«Мне было четыре года, а старшему брату четырнадцать, когда умер отец. Наша семья, чтобы отвлечься от голода, всё время пела и танцевала. Старший брат был танцором-самородком и обучил нас всевозможным танцам. Это не только спасло меня от голода, но и сделалось со временем моей профессией. Когда пришло время, сосед, старик Абрамович, отвел меня в школу. В классе, когда распределяли общественные нагрузки, я взялся за огород. Попросил всех учеников принести картошку, рис, вермишель, фасоль, огурцы, помидоры и так далее. Дома из этих продуктов мы варили супы. Пришло время сбора урожая, я посетовал на неурожай. Тогда класс мне дал еще один шанс. Естественно, вторая попытка окончилась так же, как и первая, – супом. После чего соученики отказали мне в доверии. Агроном из меня не получился.

Евбаз. Конец 1920-х. Может быть, малец в углу кадра – это маленький Боря?

Вскоре после этого сосед, бывший старше на четыре года, соблазнил меня поехать в Москву. Тогда я впервые увидел Ленина в гробу. Поездка длилась десять дней, и всё это время нас разыскивала милиция.

Первое путешествие мне обошлось довольно дорого. Меня исключили из дурного примера надо скорее избавиться. Я подался в цыганский табор. Какая там была жизнь! С едой проблем не было, все гадали, все воровали, а потом до глубокой ночи пели и танцевали. Табор стал для меня университетом. И уже потом, став профессиональным артистом, я лихо исполнял в ансамблях и театрах цыганские танцы.

Чем я только не занимался в те давние годы: торговал ирисками, папиросами, был подручным маляра, кровельщика, водопроводчика. Но, к сожалению, нигде долго не задерживался. Как правило, подводила страсть к шуткам и розыгрышам.

В нашем доме поселилась проститутка. Красивая, лет тридцати, аппетитная блондинка. Мне она платила деньги, чтобы я распускал во дворе слухи, что она портниха. А мне что? Я мог пустить слух, что она мать Миклухи-Маклая или его дочь. Ей приносили вещи для шитья, она снимала мерку и отдавала шить портнихе.

Именно тогда состоялся мой дебют на профессиональной сцене. Первыми, кто оценил мой талант, были киевские уголовники. Поверьте, нет более благодарной аудитории, чем уголовники. Это я понял тогда, в юности, и утвердился в своем мнении, проведя в тамбовской тюрьме в их обществе год и две недели.

По соседству с нашим домом был Троицкий рынок. Когда базар к вечеру стихал, там собирались карманники, домушники, налетчики и их возлюбленные. Я для них выступал. На деревянных стойках я бил чечетку, цыганскую пляску, “Яблочко”, блекбот, “Барыню” и еще бог знает что. Мне часто приходилось менять репертуар, так как зрители изо дня в день оставались прежние. Со временем я перешел на смешанный жанр – танец с разговорами и танец с куплетами. Уголовники ко мне относились хорошо, а главное, они спаса-

ли меня от голода.

Когда я выступал для жуликов, я и танцевал, и пел, и разговаривал. Я был синтетическим артистом, как Чарли Чаплин. Я начал без всякой школы. По мне повезло – я все время встречался с гениальными и талантливыми людьми. То есть выше этой школы быть не может. Это у меня заложено с детства – актерское мастерство, пение, куплеты. Я – юморист. Я с детства шушу. Семья моя была самая веселая в Киеве. Жрать нечего было. Только юмором и отделялись. Вместо обеда танцевали, вместо ужина пели. Все думали, что богаче этой семьи нет, а мы были хуже всех».

Танцы!

«В Киеве при клубе госторговли была самодеятельность. В этой самодеятельности я принимал участие как танцовщик. Время было голодное, и я старался ездить на такие концерты, после которых угощали ужином. На закуску всегда давали винегрет, и я всегда им обжирался. А потом, когда подавали макароны с мясом, я мог только на них с завистью смотреть. Просто не было места, куда бы я мог это впихнуть. Так со мной повторялось много раз. Я решил взять себя в руки, и когда нас, артистов, посадят за стол, ни за что не есть винегрет и ждать макароны с мясом (мню на банкетах в то время не менялось).

И вот я сижу за столом, на столе винегрет. Я собрал всё свое мужество, волю, терпение и не ем. Все с жадностью уплетают винегрет, у меня слюнки текут, умираю, но к винегрету не притрагиваюсь.

Туземцы. Боря Сичкин с другом. Киев, берег Днепра, конец 1930-х

Прошло минут десять, все сидят, и я сижу; все ждут, немного успокоившись после винегрета, а я жду с нетерпением макарон с мясом. Начались сомнения. Я отгоняю от себя мрачные мысли. Не может быть, чтобы банкет прошел без макарон с мясом. Официанты начали убирать со стола оставшийся винегрет. Хороший признак, думаю я про себя, это обычно происходит перед горячим. Жду с нетерпением. И вдруг фальшиво заиграл духовой оркестр “У само-

вара я и моя Маша” и какой-то идиот крикнул: “Танцы!” А народ – эта толпа шизофреников – откликнулся на его призыв и тоже начал орать: “Танцы!” Сдвинули столы по сторонам и начали прыгать и скакать, как дегенераты. Ни о каких макаронах с мясом и речи быть не могло. Я сразу понял, как погорел с винегретом. Настроение было ужасное. Дот есть нечего. Я натанцевался на сцене, в желудке пусто, винегрет унесли, а макароны не принесли. После этого печального случая на всех банкетах, как только подавали винегрет, я ел, не думая, что будет потом. Правда, после этого случая горячее подавали всегда, но это меня уже не огорчало, так как риск был слишком велик.

В каждом человеке, сидящем за столом, я видел того идиота, который мог крикнуть: “Танцы!” А духовой оркестр до сих пор не перевариваю».

Вся семья Сичкиных была очень музыкальной. Старший брат, как уже упоминалось, работал танцором и обучал всевозможным «коленцам» младшего. Отец в часы досуга любил играть на трубе, а мать пела в труппе звезды американских мюзиклов Клары Юнг, которая, очаровавшись романтикой революции, сменила в начале 1930-х американский паспорт на советский.

Еще дошкольником Боря начал выступать с танцами в клубе завода «Металлист». В его репертуар входили вальс-фантазия, лезгинка и кабардинка. Занятия танцами влек-

ли мальчика гораздо больше, чем школьные уроки, отчего между сыном и родительницей вспыхивали постоянные конфликты. Устав от бесчисленных сражений, мать махнула рукой: «Пусть будет артистом. Это значительно лучше, чем жуликом!»

Через год молодое дарование выступало в ресторане «Континенталь», зарабатывая аж 15 рублей и ужин. Однажды Боря оказался в Киевском театре музыкальной комедии на выступлении танцевального трио «Три Антоши-книгоноши». После исполнения номера раздались жидкие аплодисменты. В вопросительно-утвердительном фамильярном тоне ведущий обратился к присутствующим: «Ну, мы танцевали хорошо?» – «Неважно», – ответил звонкий голосок «Станцуй лучше», – предложил ведущий. Ничего другого, как выйти на сцену и «отжечь», Борису не оставалось. Полчаса зрительный зал неистовствовал. Естественно, выступление «Антош» было сорвано. Улица долго судачила по этому поводу. *«Вначале я был самородок, – отмечал в интервью радио “Свобода” маэстро. – В школе этому не учат – чечеткам, сбивкам цыганским. В 15 лет меня в Ансамбль народного танца УССР приняли. Тогда я учился в хореографическом техникуме при киевском театре. Дело в том, что я могу танцевать великолепно, что я и делал. Но для того чтобы была форма – есть же красивые руки, красивые позы, это дает балет, – так вот, я окончил хореографический техникум».*

Итак, колебаний насчет выбора жизненного пути у Бори Сичкина не было никаких. Вскоре молодого одаренного паренька заметили, и весной 1941 года он был приглашен в Ансамбль Киевского военного округа под руководством знаменитого балетмейстера Павла Вирского. Шанс, что давала судьба, упускать не хотелось, но все карты чуть было не спутали война и человеческая подлость.

Глава II

Война

*От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли...*

К. Симонов

«Родине, Сичкин, нужны солдаты, а не танцоры»

«Я пришел к своему директору ансамбля Белицкому, объяснил ему ситуацию, дескать, у меня есть возможность <...> в армии остаться артистом, – вспоминает свое положение Борис Михайлович.

– Вы что, ищете легкий путь? – начал Белицкий. – А кто же будет служить в нашей армии?

– Как артист я принесу гораздо больше пользы армии.

– А Родине, Сичкин, нужны солдаты, а не танцоры.

Борис Сичкин на фронте

На этом разговор окончился. Время шло, Вирский меня торопил, а директор не отпускал. Я опять пошел к нему. Какие только доводы я ни приводил, но все безрезультатно. Белицкий упорно стоял на своем. Сколько нелестного услышал я в свой адрес!

Оказалось, что я не патриот, чуть ли не дезертир. Мне казалось, что вот-вот директор обвинит меня в измене.

— Если начнется война, вы, небось, первым в Ташкент удете. С такими, как вы, Сичкин, я бы в разведку не пошел. Я как коммунист вам скажу: с такими, как вы, коммунизм

не построишь, – закончил он тирадой и выставил меня.

Я уже было махнул рукой и собирался извиниться перед Вирским. Но неожиданно выручил случай. Директор Белицкий уехал куда-то на несколько дней, а оставшийся вместо него заместитель без звука меня отпустил. 15 июня 1941 года я впервые надел солдатскую форму. Через шесть дней началась война...

В дни первого военного лета было не до песен и танцев. С первых дней войны, когда немцы приблизились к Киеву, началась эвакуация. Наш ансамбль использовали как обычное воинское подразделение. Мы патрулировали город, несли караульную службу. Последние дни перед сдачей города мы стояли в заслоне на днепровских пристанях, откуда баржами отправляли людей в тыл. Это была адская работа. Десятки тысяч людей рвались уехать, а у пристани стояли считанные баржи. Отправляли женщин с детьми, больных и раненых, пожилых людей. Остальных сдержать было нелегко, погрузки на пристани неожиданно появился мой бывший директор с тринадцатью чемоданами. Увидев меня, он изобразил на лице смешанные чувства. Я так и не понял: толи он безмерно счастлив нашей встрече, то ли у него расстройство желудка. Директор-патриот протянул мне бумагу, в которой говорилось, что товарищ Белицкий командирован в город Ташкент для организации фронтового ансамбля.

Народный артист Украины Павел Вирский. Памятная почтовая марка

В самый разгар

– Сейчас не до песен и не до танцев, – сказал твердо я ему. – Надо защищать Родину, а петь и танцевать будем потом, после победы.

– Борис, посмотри, кто подписал бумагу!

– Такую бумагу в такое время мог подписать только Адольф Гитлер.

– Я отдам что хочешь, умоляю, только помоги мне, – прошептал мне этот патриот.

– Уважаемый товарищ Белицкий, сейчас не время давать друг другу сувениры, сейчас самый лучший сувенир – винтовка в руках.

– Борис, – умоляюще сказал он, и в голосе у него, как у еврейского певца на кладбище, когда отпевают покойников, я слышал слезу. Дежурство мое заканчивалось, но когда меня пришли сменить, я отказался. Я знал, что как только я уйду, эта мразь точно проберется на баржу.

Я валился с ног, ужасно хотел спать, но стоял на посту.

Немцы уже были в Галосеевском лесу, а это почти пригород Киева. Слышалась канонада. Мой бывший директор со слезами на глазах уговаривал меня:

– Пойми меня правильно, я коммунист, и как только немец войдет в город, меня сразу расстреляют. Ты меня понял?! Борис, немец с минуты на минуту появится, тогда всё – мне конец. Пожалуйста,пусти меня на баржу.

– А вы что думаете, когда немец войдет, он со мной на танцы пойдет? – обезумевший от усталости, я стоял у трапа. Понимая, что меня надолго не хватит, я постарался всех предупредить, чтобы эту сволочь на баржу не пускали.

Через несколько часов я проснулся и тут же бросился на пристань. След патриота простыл... Уехала эта гадина со своими чемоданами. Сколько таких патриотов с партийными билетами, драпавших впереди всех со скарбом, я повидал в те дни. Даже трудно представить».

«Дезертир»

«В девятнадцать лет, когда опасность, риск не страшат, а, напротив, захватывают, я рвался на передовую и не переставал проситься в строевую часть.

Под Курской дугой я принял решение бросить ансамбль и бежать на фронт. Я “потерялся”, меня быстро присоединили к группе солдат и погнали на переформировку. Мы протопали до места назначения, голодные, километров пятьдесят. По дороге нас шесть раз бомбили. В деревне Беседино нас каждого допросили: кто, откуда и кем хочешь быть. Я попросился в пулеметчики. Солдаты смотрели на меня как на идиота. А лейтенант улыбнулся. Когда мне выдали пулемет и я попытался его поднять, сразу понял – солдаты были правы. Я должен был носить постоянно этот груз. Отказаться было уже поздно. С нами провели учения, и через два дня мы должны были отправиться на фронт.

Несколько дней я был на фронте: стрелял и в меня стреляли.

Самое омерзительное в окопах на передовой – это слышать немецкий миномет. Немцы называли его “ванюшей” в противовес нашим “катюшам”. Мины “ванюши” летели с прерывистым звуком, как будто захлебывались, они разрывались в воздухе и осыпали землю осколками. Никакие окопы не помогали. После обстрела “ванюш” всегда было много

раненых. Меня Бог миловал, и я остался невредим.

Мне не довелось долго воевать. Омоем побеге было сообщено в политуправление, был отдан приказ о моем розыске. Вскоре в мою новую часть явились два майора из политуправления и арестовали меня как дезертира.

По дороге они наговорили кучу гадостей, угрожая военным трибуналом и штрафным батальоном. Я никак не мог понять, о чем они говорят. Я бежал на передовую, а не в тыл. За что же меня судить? Я несколько дней находился под арестом, наконец меня доставили к начальнику политуправления фронта Галаджеву. У него сидел его заместитель подполковник Алипов. Оба интеллигентные, доброжелательные. Я объяснил причину так называемого бегства.

Генерал спокойно объяснил мне, что я самовольно бросил часть, а это наказуемо. Что касается пользы, то в ансамбле от меня больше толку, чем на передовой.

На этом разговор закончился. Я вернулся в ансамбль, а дело с военным трибуналом было закрыто».

Медаль

«Мы отступали, сдавая город за городом. Настроение было паническое. Никто не мог даже предположить, когда кончится бегство. Покинуть местечко Ромны нам пришлось при довольно смешных обстоятельствах.

Около девяти утра меня разбудили товарищи по ансамблю, сообщив, что в город привезли две бочки свежего пива. Я быстро оделся в предвкушении бочкового пива. Мы простояли в очереди минут тридцать. Уже вот-вот нам продащица протянет запотевшую кружку, и вдруг крик:

– Немцы в городе!

Мы мгновенно сели в наш автобус и выскочили из города. В своей жизни я, поверьте,пил много хорошего пива, которое наверняка было лучше этого. Но учитывая, как мне тогда хотелось выпить, никакое пиво не может сравниться с тем, ромнинским. Считается, что фантазия – привилегия мозга, но то невыпитое пиво вызывало у меня фантазии желудка. Я точно представлял вкус, чувствовал, как оно вливается в меня. Это удивительное ощущение. После голода в тридцать третьем году в Киеве на улицах продавались соевые котлеты. Уже прошло много десятков лет, но до сих пор те котлеты кажутся мне вкуснее всяких лососин, шашлыков, икры и других деликатесов.

Но вернемся к нашей одиссее.

Вырвавшись из города, наши машины тут же утонули в глубокой грязи. Единственную дорогу – путь к спасению – дождь превратил в сплошное месиво. После нескольких бесплодных попыток вытащить машины людьми овладело отчаяние. С тупым безразличием смотрели они на нескончаемый дождь, обстрел “мессеримиттами” на бреющем полете, не понимая, что немцы в любой момент могут перерезать дорогу.

Я чувствовал себя не лучше, но есть у меня такое качество – собраться и бороться с неприятностями. Я пошел вдоль застрявшей колонны с танцем и с песней. Грязь летела из-под ног во все стороны. Люди думали, что я сошел с ума. Но убедившись, что я не сумасшедший, приходили в себя. Я пел и плясал цыганские танцы, пел частушки, куплеты, показывал фокусы с фигами, пародии...

И произошло чудо. Люди начали улыбаться, потом смеяться. Прошла подавленность, исчезла обреченность. Кто-то обнаружил в поле сломанный трактор, мгновенно нашлись механики.

Вряд ли в обычной ситуации было возможно починить этот трактор, но тогда это было сделано с невероятной быстротой. Трактор заработал, мы благополучно вытащили все машины из трясины и добрались до Купьянска. Немцы, к счастью, не успели перерезать дорогу.

В политуправлении фронта узнали о моем поведении под Ромнами и наградили медалью “За боевые заслуги”. Я носил

эту награду как звезду Героя Советского Союза.

Так было до одного эпизода, который я вспоминал долго с обидой и досадой.

Однажды нас, артистов, интендант фронта пригласил на банкет в свою землянку. Она была большой и уютной, состояла из нескольких помещений.

Мы выступили, потом поели и выпили, начались танцы. Я вышел в другую темную комнату покурить и стал свидетелем сцены. Один из гостей – толстый маленький генерал – прижимал какую-то медсестру. Пыхтит, потеет, прижимается к ее груди и шепчет: – Дай мне, дай мне.

Сестра в ответ:

– Медаль “За боевые заслуги” дашь?

А он готов ей отдать Золотую Звезду:

– Конечно, дам медаль.

Каждый генерал вправе был дать медаль “За боевые заслуги”, а потом уже и ордена. Подонки! Опошили награду, которой я так гордился».

Директор бардака

«Мои фронтовые воспоминания, вероятно, отличаются от привычной военной мемуарной литературы. Я больше пишу о людях, с которыми прошел военными дорогами, нежели о самой войне. Это не удивительно. Ведь я не принимал никаких стратегических решений, я не поднимал солдат в атаку, я не ходил в разведку. Я просто развлекал бойцов, я поднимал их настроение.

...Я часто вспоминаю, как в Лодзи мне некоторое время на общественных началах пришлось побыть в роли... директора бардака. На Пятиковской улице был бардак. Это был пятиэтажный дом, в каждой квартире которого жили проститутки.

Профессия эта тяжелая, вредная и неблагодарная. Лично я к ним отношусь с жалостью, но и с уважением. Как это ни парадоксально, но проститутка тебя не обманет. Самые верные жены – это бывшие проститутки. Я с отвращением отношусь к женищинам, которые официально не числятся проститутками, но занимаются проституцией. Кстати, это относится и к некоторой категории мужчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.